**V.S. RJEOUTSKY, I.I. FEDJUKIN, W. BERELOWITCH,
éds., Ideal vospitanija dvorjanstva v Evrope XVII -
XIX veka**

Т.И. Пашкова

Édition électronique

URL : <https://journals.openedition.org/monderusse/11438>

DOI : 10.4000/monderusse.11438

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 octobre 2019

Pagination : 811-815

ISBN : 978-2-7132-2797-4

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Т.И. Пашкова, «V.S. RJEOUTSKY, I.I. FEDJUKIN, W. BERELOWITCH, éds., Ideal vospitanija dvorjanstva v Evrope XVII - XIX veka», *Cahiers du monde russe* [Онлайн], 60/4 | 2019, Выложить онлайн 01 octobre 2019, Наводить справки в 02 janvier 2023. URL: <http://journals.openedition.org/monderusse/11438> ; DOI: <https://doi.org/10.4000/monderusse.11438>

V.S. RJEOUTSKY, I.I. FEDJUKIN, W. BERELOWITCH, eds.

Ideal vospitanija dvorjanstva v Evrope XVII - XIX veka

Moscou : Novoe literaturnoe obozrenie (Serija Studia Europaea), 2018, 496 p.

Книга представляет собой сборник статей, в основу которых легли доклады авторов на одноименной международной конференции, проводившейся в 2014 г. в Москве совместными усилиями Германского исторического института, Франко-российского центра гуманитарных и общественных наук, Центра по исследованиям России, Кавказа и Центральной Европы, Международной исследовательской группы n° 375 «Россия и Западная Европа: трансферы и культурные взаимоотношения», Высшей школы экономики и Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Надо отдать должное составителям: традиционное введение к сборнику не является простым обзором публикуемых статей, а представляет собой полноценный текст, имеющий самостоятельную научную ценность¹. В нем авторы рассуждают об общих чертах и специфике европейского дворянства. Исследователей особенно занимает давний вопрос, насколько правомерно относить к этой категории дворянство российское, поэтому они предлагают читателям набор критериев для компаративного анализа. К этим критериям отнесены численность и состав, отношение к государственной службе, связь службы с владением земель, древность родов и титулатура, стратификация дворянства, участие в органах управления страной, имения и наследование. Приведя ряд важных данных, авторы констатируют, что «Россия... оказывается волне сравнимой со своими соседями, хотя и представляет собой, начиная с XVII века, крайний случай» [17]. Потенциальным читателям можно рекомендовать прочесть введение не до, а после знакомства с книгой, поскольку именно в нем осуществляется столь необходимый для магистральной темы сборника синтез идей.

Статьи в сборнике сгруппированы по четырем разделам. Первый из них, под названием «Воспитательные стратегии: какое воспитание и для какого дворянства», объединяет публикации, посвященные анализу образовательных и воспитательных стандартов в среде французского, венгерского, неаполитанского дворянства и украинской казацкой старшины². Авторы изучают цели образования и воспитания, различные институциональные формы их получения, смену образовательных стратегий в связи с формирования дворянской идентичности, и т.д. Заметно, что при всех местных особенностях общим явлением на протяжении изучаемого периода стала постепенная секуляризация и национализация (в частности, переход с латыни на национальные языки) дворянского образования.

Большая часть исследований второго раздела сборника («Модели, трансферы, тенденции, критика сопротивление») выстроена на российских материалах. Статья А. Бруски, посвященная изучению роли национальных языков во французском дворянском образовании является своеобразным мостиком, соединяющим публикации первой и второй части книги³. Все

публикации, размещенные здесь, объединяет тема идеальных моделей дворянского воспитания и их критики. В частности, авторы (М. Киселев и А. Лыцова, В. Ржеуцкий) рассуждают об источниках получения российскими дворянами информации о возможностях в этой области и приходят к выводу, что таковыми являлись переводные сочинения, в том числе публикации в русскоязычных журналах, особые «воспитательные планы», которые заказывались европейским педагогам, и иностранные гувернеры, приезжавшие служить в Россию⁴. В. Ржеуцкому принадлежит справедливое утверждение, что в исследовательской литературе существует явный перекося в изучении государственной школы, между тем как для адекватного понимания тенденций в дворянском образовании необходимо изучать частные и домашние практики, поскольку именно они охватывали большую часть дворянских детей⁵. Однако на примере только двух знатных российских семейств, которые изучает автор (пусть и весьма выразительном), вряд ли возможно судить о том, насколько критический взгляд на традиционное русское воспитание получил распространение в среде высшего дворянства. К тому же удельный вес последнего был незначителен. Несомненно, подобные исследования необходимо продолжать. Одна из новаторских идей в воспитании, о которой пишет В. Ржеуцкий, состояла в выстраивании не вертикальных, а горизонтальных (дружеских) взаимоотношений между воспитателями/родителями и воспитанниками, воздействие на последних не столько посредством жесткого контроля и суровых наказаний, сколько с помощью морального авторитета старших. Этой же теме посвящена статья В. Фреде. На основе сохранившейся корреспонденции исследовательница изучает особый язык дружбы и сентиментальный словарь семьи Строгановых и гувернера Жильбера Ромма⁶.

Третий раздел книги, «Воспитательные учреждения и воспитательные модели», посвящен традиционной институциональной истории дворянского образования в России, владениях Австрийского дома и на Сицилии⁷. И. Федюкин поставил одной из своих задач рассмотрение приемов формирования у учащихся Сухопутного шляхетского корпуса определенной «культуры социальных отличий», основанной на манерах, жестах, этикете и т.д. Однако я бы не вполне согласилась с тем, что некоторые дисциплинарные технологии, применявшиеся в корпусе, носили специфический социально-конструирующий характер. Так, правила поведения кадет на улицах, запреты на посещение зланных мест, требования к внешнему виду, рассаживание в классах в зависимости от успехов и т.д. носили, скорее, вполне универсальный характер. Во всяком случае, все они действовали уже в начале XIX в. в только что появившихся гражданских средних учебных заведениях (гимназиях), позиционировавшихся как всесословные школы. В статье М. Лавринович приводятся очень интересные архивные данные об учебной подготовке и профессиональной карьере выпускниц особого класса наставниц Московского воспитательного дома. Они позволяют составить впечатление не только о дворянском образовательном и воспитательном

идеале, представленном в этом классе, но и о механизмах его трансляции в среду провинциального дворянства. Однако некоторые утверждения исследовательницы, содержащиеся в разделе статьи под названием «Общественный и педагогический контекст создания класса наставниц», вызывают серьезные возражения. В частности, М. Лавринович, ссылаясь на известную работу А.С. Воронова «Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа», пишет, что новейшие языки в гимназиях не изучались [322]. На самом деле достаточно заглянуть в Устав учебных заведений 1804 г., экзаменационные программы, мемуарные свидетельства, чтобы убедиться, что это не так. Французский и немецкий, разумеется, преподавались; обучали этим предметам чаще всего иностранцы. Другое дело, каково было качество и результаты такого преподавания, но это уже отдельный вопрос. Строго говоря, и А.С. Воронов писал об этом несколько иначе, чем интерпретирует М. Лавринович: «В гимназиях *весьма мало* (курсив мой – Т.П.) обращалось внимания на иностранные новейшие языки...»⁸. Неверны и приведенные автором сведения о подготовке учителей в начале XIX в. Этим занимался не только Педагогический институт, но сначала учительская семинария (1801 – 1803 гг.), а затем учительская гимназия (1803 – 1804 гг.). Педагогический институт был учрежден в 1804 г. и потом несколько раз переименовывался (Главным Педагогическим институтом он стал не в 1828, а в 1816 году). В целом, мне показалось не вполне обоснованным включение в текст статьи этого фрагмента, поскольку в нем речь идет исключительно о мужском образовании. Все это не имело прямого отношения к женскому образовательному идеалу начала XIX века. Исследовательница солидаризируется с мнением В. Ржеуцкого, что «образ иностранца в художественной и мемуарной литературе... тенденциозен» [326]. В целом с этим можно согласиться. Однако если речь идет об иностранцах-наставниках, служивших как в частных домах, так и в публичных учебных заведениях, то субъективные негативные оценки имели под собой определенную основу. По моим наблюдениям, личные дела гувернеров (главным образом французов и немцев) петербургских гимназий первой половины XIX в. (которые, к слову, составляли значительную часть педагогического штата) нередко свидетельствуют об отсутствии у них какого-либо образования, не говоря уже о педагогическом, плохом знании русского языка и т.д.⁹

Последний, четвертый, раздел сборника называется «Что говорят нам источники» и, по замыслу составителей, видимо, должен был носить источниковедческий характер. Однако, пожалуй, только статьи Жана-Люка Ле Кама и Д. Редина можно назвать таковыми в полном смысле этого слова¹⁰. Исследования А. Буркардта и В. Береловича посвящены происхождению и практикам Гран Тур в Европе и России. Любопытно, что оба автора зафиксировали (каждый на своем материале), что Гран Тур как частная практика и относительно массовое явление возникает раньше, чем его теоретическое осмысление и законодательное оформление¹¹. Надо сказать,

что очень интересную тему Гран Тур прямо или косвенно затрагивают многие авторы сборника. Но, к сожалению, никто из них не дает ответа на вопрос, чем был вызван кризис этого «жанра» в России последних десятилетий XIX в., начавшийся, по мнению В. Береловича, еще до Французской революции.

В заключение подчеркну, что рецензируемый сборник, безусловно, будет полезен и интересен исследователям, занимающимся историей образования. Его тексты позволяют увидеть как специфику разных национальных образовательных традиций, так и механизмы трансфера различных идей и практик в этой сфере, а также вовлеченность России в общеевропейский педагогический контекст. В то же время, как это часто бывает, недостатки книги являются продолжением ее достоинств. Главный из них заключается, на мой взгляд, в известной дискретности и калейдоскопичности сюжетов, хотя многие из них, разумеется, имеют соприкасающиеся и даже сквозные темы. Но этот недостаток отчасти компенсируется введением к сборнику, о чем было сказано в начале рецензии.

1 – В. Берелович, В. Ржеуцкий, И. Федюкин, «Европейское дворянство и эволюция его идеала воспитания».

2 – А. Брютер, «Дворянство шпаги и дворянство мантии во Франции XVII века: да идеала образования?»; В. Каради, «Образовательные стратегии венгерского дворянства в эпоху Просвещения и государственного строительства в Венгерском королевстве (1760 – 1848)»; В. Фиорелли «Неаполитанские женщины: от аристократии к либеральному высшему классу»; Л. Посохова, «Нобилизация казацкой старшины Гетманщины и Слободской Украины и эволюция стратегий воспитания в ее среде в XVIII веке».

3 – А. Бруски, «Национальные языки в дворянском образовании во Франции в конце XVI – XVIII веке».

4 – М. Киселев, А. Лысцова, «Проблема дворянского образования в публицистике и в правительственной политике Российской империи на рубеже 1750-х и 1760-х годов»; В. Ржеуцкий, «Pro et contra: идеал воспитания высшего дворянства в России (вторая половина XVIII – начало XIX века)».

5 – Ржеуцкий, «Pro et contra...», с. 208 – 209.

6 – В. Фреде, «Как в Россию пришла идея, что гувернер может быть другом: Строгановы и Жильбер Ромм, 1779 – 1790 годы».

7 – И. Федюкин, «‘От обоих истинное шляхетство’: Сухопутный шляхетский кадетский корпус и конструирование послепетровской элиты, 1731 – 1762»; М. Лавринович, «Соединяя ‘благосостояние с общою пользою’: классы подготовки домашних наставниц для дворянских детей в Московском воспитательном доме в 1810-х – начале 1820-х годов»; О. Хаванова, «Врожденное благородство и ученое превосходство: венский Терезианум как сословный образовательный идеал второй половины XVIII века»; К. Синдони, «Образовательные модели сицилийских дворян в XVIII – XIX веках: колледж Кутелли в Катании».

8 – А.С. Воронов, *Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 год включительно*, СПб., 1849, с. 164.

9 – См. Т.И. Пашкова, «Учителя-иностранцы в петербургских гимназиях первой половины XIX в.», *История Петербурга*, 2010, № 6(58), с. 74-80.

10 – Ж.-Л. Ле Кам, «Надгробные биографии как отражение идеала воспитания немецкого лютеранского дворянства: граф Отто Магнус фон Денхофф

(1665 – 1717)»; Д. Редин, Как воспитывали Ивана Васильевича: повесть В.А. Соллогуба «Тарантас» и проблемы дворянского воспитания в русской художественной поэме первой половины XIX века».

11 – А. Буркардт, «Истоки возникновения Grand Tour: путешествие в сочинениях о воспитании дворян в XVI - начале XVII века», с. 398; В. Берелович, «Европейские образовательные путешествия русских аристократов», с. 418.

Т.И. Пашкова

*Кафедра русской истории
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена*